

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Александрова Татьяна Львовна

Поэзия императрицы Евдокии
в контексте развития позднеантичной литературы

Специальность 10.02.14 — классическая филология,
византийская и новогреческая филология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва
2018

Работа выполнена на кафедре древних языков
и древнехристианской письменности
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Официальные оппоненты — Афиногенов Дмитрий Евгеньевич —
доктор филологических наук, профессор кафедры
византистики и неозллистики
филологического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова;
— Яламас Дмитрий Афанасьевич —
доктор филологических наук, доцент, советник по
культуре посольства Греческой республики в
Москве;
— Балаховская Александра Сергеевна —
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник отдела литератур
стран Азии и Африки ИМЛИ РАН

Защита состоится 21 декабря 2018 г. в 15.00 на заседании диссертационного
совета МГУ 10.09 при Московском государственном университете имени М.В.
Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ленинские горы ГСП-1, МГУ им. М.В.
Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов (1-й ГУМ), филологический
факультет.

E-mail: classic@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ им. М.В.
Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на сайте ИАС «Истина»:
<https://istina.msu.ru/dissertations/149340888/>

Автореферат разослан 19 октября 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

О.М. Савельева

К императрице Евдокии применимы слова, сказанные современным исследователем о ее великом современнике, Нонне: «поэт слишком поздний для филологов-классиков и слишком ранний для византинистов, зажатый между предубеждениями первых и вторых»¹. Действительно, вся эпоха V в. нередко выпадает из поля зрения не только обычного культурного человека, но и профессионалов-исследователей. Литература этого периода известна фрагментарно, хотя фрагментов немало, и некоторые из них, например, то же наследие Нонна, весьма велики. Ученые Нового Времени нередко записывали всю литературу этого периода в «упадок» — слишком многое в ней чуждо эстетическим установкам новой европейской культуры, требующей от творцов, в каком бы виде искусства они себя ни проявляли, прежде всего оригинальности и непосредственности. Возможно, с наступлением эры постмодерна она стала понятнее как отражение переходной эпохи, хотя здесь, конечно же, стоит воздержаться от чересчур навязчивых параллелей.

Сочинения Евдокии не принадлежат к числу шедевров и суждения о ней современных ученых по большей части резки, однако в последние десятилетия в этом отношении уже наметился некий сдвиг в сторону большей лояльности. Это связано с общей тенденцией усиления интереса к личности человека, который побуждает исследователей обратиться к текстам, созданным малоизвестными авторами, не принадлежащими к «первому ряду».

Несмотря на достаточное количество просопографических сведений и сохранившиеся произведения, составить из них целостное представление о Евдокии крайне затруднительно. Во-первых, легенды, связанные с императрицей, явно несут на себе печать фольклора, а не реальных событий, они как будто никак не соотносятся с ее поэзией. К тому же определить, в какой степени Евдокия является автором усваиваемых ей сочинений, тоже не так просто. Поэма «О св. Киприане» обычно рассматривается как близкий парафраз идентичного по

---

¹ Nonnus of Panopolis in context. Poetry and cultural milieu in late antiquity with a section on Nonnus and the Modern World / ed. K. Spanoudakis. Berlin — Boston, 2014. P. V.

содержанию прозаического жития, а в создании Гомеровского центона роль Евдокии порой сводится к несущественной редактуре.

Проблемы, связанные с личностью и наследием Евдокии — это в значительной степени проблемы всей ее эпохи, причем как в истории литературы, так и в истории всего государства ромеев. Именно поэтому, думается, и имеет смысл сделать попытку рассмотреть ее творчество в контексте как литературного процесса эпохи, так и общих проблем истории этого периода. Каково место творчества Евдокии в истории позднеантичной поэзии? Какие общие устремления объединяют ее с поэтами-современниками? На какие образцы она ориентировалась? Как воспринимала поэтическую традицию? Каков был круг ее чтения? Каковы были методы ее работы? Что она хотела сказать своим творчеством: было ли оно для нее сугубо частным делом, или же каким-то образом выражало имперскую идеологию ее мужа? Пыталась ли она, будучи императрицей, каким-то образом влиять на литературный процесс, стимулируя интерес к определенным темам и проблемам? Выражало ли каким-то образом творчество Евдокии установки имперской пропаганды ее времени? Именно эти вопросы затрагиваются в настоящем исследовании, хотя на большинство из них ответить однозначно и исчерпывающе невозможно в силу недостатка сведений.

В последние десятилетия Евдокия неоднократно привлекала к себе внимание исследователей и как историческая фигура, и как поэтесса, но здесь обнаруживается вполне закономерная проблема, обусловленная узкой специализацией в современной науке: одни исследователи сосредотачивают внимание исключительно на исторической роли Евдокии, игнорируя или чрезмерно принижая ее творчество (А. Кэмерон, К. Холам и др.), другие занимаются преимущественно ее сочинениями (К. Бевеньи, М. Ашер, Б. Сауэрс и др.), почти не затрагивая Евдокию как историческую фигуру. В качестве счастливого исключения можно назвать разве что Э. Ливреа, который как раз пытался вписать творчество Евдокии в биографический и исторический контекст. Именно он констатировал возросший интерес к этой «грандиозной фигуре» и призывал оценить ее по достоинству.

В русле заложенного Ливреа направления написана и данная работа. **Цель** ее состоит в том, чтобы изучить поэтическое наследие Евдокии в полном объеме и определить его место литературном процессе ее времени и установить связь с предшествующей традицией, а также исследовать контакты с поэтами-современниками. Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью творчества Евдокии и поэзии ее времени не только в отечественной, но и в мировой науке. Соответственно, **объектом исследования** для нас является ее поэтическое наследие в полном объеме (включая не только дошедшие произведения, но и известные лишь по названиям и кратким пересказам), а **предметом** — анализ поэтического творчества Евдокии в связи общими тенденциями позднеантичной поэзии. Весьма важным представляется также рассмотрение поэзии Евдокии в биографическом и историческом контексте, поскольку в ряде случаев это может подтвердить или опровергнуть ее авторство. Для достижения данной цели предполагается решение следующих **исследовательских задач**:

- Реконструировать биографию Евдокии с учетом всех имеющихся в доступе источников, установить, имело ли оно связь с имперской идеологией Феодосия II.
- В тех случаях, когда это возможно, выявить и исследовать отражение биографических и исторических событий и имперской идеологии в сочинениях Евдокии.
- Установить причины возникновения легенд, героиней которых является Евдокия.
- Рассмотреть все сохранившиеся и известные по упоминаниям и пересказам сочинения Евдокии и в спорных случаях постараться определить время их создания и степень ее авторского участия, опираясь на произведенные исследования биографии.
- Проследить связи Евдокии с поэтами-предшественниками (начиная с Гомера) и современниками, установить круг источников, на которые она ориентировалась при создании своих произведений.

- Провести анализ языка, стиля, метрики и жанра сочинений Евдокии, выявить в ее творчестве общее и особенное.
- Определить общие тенденции развития позднеантичной литературы, отразившиеся в поэзии Евдокии.

Методологической основой исследования является комплексный подход, затрагивающий круг разнообразных просопографических, исторических и литературоведческих проблем, так или иначе связанных с Евдокией; это и историко-критический анализ биографических источников, и филологический анализ поэтических произведений, и выявление текстуальных совпадений с привлечением поисковой системы по корпусу *Thesaurus linguae graecae*.

Литературный контекст определяется в основном путем установления источников заимствования лексики в поэме Евдокии «О св. Киприане» (для этого была использована поисковая система TLG). В качестве маркеров влияния были выбраны поэтические формулы, клише и малочастотные лексемы, совпадение которых со значительной степенью точности позволяет судить о том, на какие сочинения Евдокия опиралась. Отталкиваясь от найденных совпадений, как правило, удается найти и другие плоскости пересечения с выявленными авторами: использование тех же поэтических и риторических приемов, тематические переключки и т.п. Анализ поэтической техники Евдокии обогащает представление о работе позднеантичного поэта вообще.

Положения, выдвигаемые на защиту:

- Легенды о Евдокии не отражают исторической действительности и не соотносятся с ее творчеством, но биографические аллюзии в ее поэзии есть, и они помогают реконструировать ее подлинную биографию, как и просопографические исследования помогают понять ее поэзию.
- Творчество Евдокии непосредственно связано с имперской идеологией Феодосия II.
- Евдокия — христианский автор, однако не чуждый религиозного синкретизма.

- Евдокия проявляет большой интерес к апокрифической литературе.
- Возможно, что поэма «О св. Киприане» не является близким по тексту парафразом готового жития, а представляет собой оригинальную переработку легендарного сюжета.
- Евдокия хорошо знает предшествующую поэтическую традицию и ориентируется как на классические образцы античной поэзии (прежде всего, на Гомера), так и на сложившуюся за предшествующие века традицию христианской поэзии (в первую очередь, на свт. Григория Богослова) с ее более свободным отношением к форме.
- Евдокия испытала влияние Нонна.
- Собственная поэтическая техника Евдокии приближается к технике составления центона; поэтессу можно назвать «читателем-рапсодом».
- Дошедшая до нас первая редакция Гомеровского центона (1НС), по-видимому, принадлежит перу Евдокии.
- Интертекстуальные аллюзии Гомеровского центона открывают наиболее глубокий уровень его прочтения, обусловленный философским подходом к Гомеру как к носителю высшей правды.
- В языке и метрике Евдокии ориентируется на нормы, принятые в христианской поэзии.
- Евдокия работала в тех жанрах, которые были наиболее популярны и наиболее интенсивно развивались в ее эпоху, и сама расширяла жанровые рамки христианской литературы. Сочинения Евдокии являют пример характерного для ее эпохи «смешения жанров».

Научная новизна данной работы состоит в устранении одной из лакун в отечественной науке о позднеантичной словесности. Все имеющиеся сведения о

Евдокии изучены заново и в ряде случаев нами предложены собственные гипотезы, меняющие взгляд не только на Евдокию и ее творчество, но и на эпоху в целом. В работе произведен наиболее подробный и всесторонний из имеющихся анализ всего корпуса ее сочинений. Монографическое исследование комплекса проблем, связанных с Евдокией, является первым в отечественной науке и одним из немногих — в мировой.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что она расширяет наше знание об историческом и литературном процессе V в., устраняет некоторые лакуны в представлении об этой эпохе. **Практическая значимость** исследования состоит в том, что результаты его могут быть использованы при составлении учебных курсов истории греческого языка и литературы поздней античности и Византии, а также по истории Древней Церкви.

Апробация результатов исследования проводилась на следующих конференциях:

3-я международная конференция «Восточные чтения. Религии. Культуры. Литературы (Памяти Н.И. Никулина)». М., ИМЛИ РАН. 2016 г.

IV Международная научная конференция «Демонология как семиотическая система». М. РГГУ. 2016 г.

Конференция «Античность и христианство: интертекстуальность культур», памяти Н. А. Федорова. ПСТГУ, 23–24 ноября 2016 г.

Круглый стол «Держава Ромеев от Константина Великого до Константина Багрянородного». ПСТГУ, 2016 г.

VIII ежегодная международная конференция Школы философии ВШЭ «Способы мысли, пути говорения», 2017 г.

Святой и общество. Конференция ИВИ РАН 31 мая — 1 июня 2017 г.

— а также на заседаниях кафедры Древних языков и древнехристианской письменности Богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Основные положения работы были представлены в виде публикаций научных статей. По теме работы подготовлена и издана монография (см. список публикаций).

Результаты исследования учитываются в читаемых автором диссертации курсах: «Греческий язык и авторы», «Жанры позднеантичной литературы», «История античной литературы», «Христианская литература I–IV вв.», «Христианская литература V–VIII вв.», «Христианская литература IX–XV вв.».

Структура диссертации:

Работа состоит из введения, семи глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 371 наименование, и приложения. В приложение вынесены работы автора диссертации, обрисовывающие общий контекст эпохи Феодосия II.

Основное содержание диссертации:

Во **введении** автор обосновывает диссертации и актуальность работы, определяет предмет и объект исследования, цели и задачи, формулирует положения, выдвигаемые на защиту.

В **первой главе** рассматривается биографический контекст: происхождение Афинаиды-Евдокии, среда, из которой она вышла, образование, которое она получила. Дается анализ легенды о ее восхождении на престол. Производится попытка реконструировать подлинную биографию поэтессы и установить, какие события ее жизни отразились в поэзии.

Ко времени рождения Афинаиды-Евдокии в афинских школах происходит заметный сдвиг по сравнению с предыдущими веками: центральное место в преподавании занимает философия, причем распространяется неоплатонизм ямвлиховского толка, вобравший в себя элементы пифагореизма, с уклоном в теургию. У отца Афинаиды, софиста Леонтия, по-видимому, были непростые отношения со средой афинских неоплатоников. Это обстоятельство предопределило отношение Евдокии к Афинам: уехав из родного города, она больше никогда туда не возвращалась, хотя и не предпринимала репрессий против афинских язычников. Возможно, ее отношение к этой среде отразилось в поэме «О св. Киприане».

Образование, которое получила Афинаида, по-видимому, включало полный курс обучения у грамматика, в ходе которого тщательно изучали Гомера, и завершилось

курсом риторики, — а это была высшая ступень, до которой женщины добивались крайне редко. Практическая его часть состояла в начитанности, а главное — в умении правильно составлять речи на заданные темы, в меру таланта подражая классическим образцам в стихах и прозе, что Евдокия и демонстрирует в своем творчестве. Кроме того, риторическая выучка давала своего рода код поведения культурного человека, которым девушка, несомненно, владела. Выбор Феодосия в пользу такой невесты довольно нетипичен для христианской среды, где женская образованность ценилась намного меньше, чем в среде языческих интеллектуалов.

Чтобы понять причины матримониального выбора Феодосия II, надо подробнее рассмотреть ситуацию в империи в период его детства и юности, а также расстановку сил при дворе. Афинаида, по-видимому, происходила из той среды, к которой принадлежали Синесий Киренский, префект претория Анфемий, софист Троил. Это были люди, которых условно можно назвать «христианскими эллинистами»: они лояльно относились к христианству и к власти христианского императора, но их убеждения можно назвать языческо-христианским синкретизмом. Именно этой придворной партии симпатизировал молодой император Феодосий II, противостояла же ей другая партия, которую условно можно назвать «христианскими ригористами», делавшая ставку на сестру императора, августу Пульхерию. Выбор Афинаиды в качестве невесты для императора, возможно, определялся не столько ее личными качествами, сколько принадлежностью к этому кругу. Ее дядя Асклепидот и братья впоследствии занимали видное положение при дворе.

Если учитывать церковно-политическую обстановку конца 410-х — начала 420-х гг., нетрудно заметить, что женитьба Феодосия была событием знаковым, знаменующим начало его собственного правления. Это был не только личный выбор, но альянс с той партией, на которую император собирался преимущественно опираться. Историки, начиная с Сократа, особо подчеркивают тот факт, что Афинаида была дочерью афинского софиста и что она была некрещеной; крестилась лишь незадолго до свадьбы. При крещении невеста сменила имя. Это могло быть связано с тем, что ее прежнее имя, «Афинаида», звучало слишком «язычески» для христианской императрицы. Но возможно, смена

имени являлась частью церемониала и должна была зримо показать подданным перерождение вчерашней язычницы в христианку. Интересно, что в поэме «О св. Киприане» героиня тоже меняет имя, правда, не при крещении, а в монашестве (что в ту эпоху было еще не обязательно): Иуста становится Иустиной.

Новое имя, данное Афинаиде в крещении: «Евдокия» («Благоволение») специально для нее изобретенное, по-видимому, выражало взгляды Феодосия II. Ангельское славословие: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение» (Лк. 2, 14) — фактически можно считать девизом царствования Феодосия II. Именно эти принципы соблюдались и поддерживались в его эпоху. Не исключено, что церемониально Евдокия олицетворяла «Церковь от язычников», ставшую возлюбленной Христа-императора и спасаемую им. В этом смысле ее роль «гомеровской христианки», различимая в творчестве, вполне соответствует такому положению. И то, что Евдокия всегда пишет на христианские темы и всегда — классическими размерами античной поэзии, тем самым «воцерковляя» гекзаметр, вполне выражает эту роль. Несомненно, значимы и те сюжеты, которые она для себя выбирает. Так, трудно не увидеть в выборе сюжета поэмы «О св. Киприане» идеологемы: Христос готов принять любого обратившегося язычника, даже если тот был колдуном и общался с самим дьяволом.

У Феодосия II и Евдокии были общие интересы, такие, как общее увлечение поэзией, математикой и астрономией. Принято считать, что доминирующее положение при Феодосии изначально занимала Пульхерия, однако по разрозненным и обрывочным данным источников можно понять, что положение Евдокии было ничуть не ниже.

Представляется, что идеей «благоволения» и наследования лучших традиций античной культуры была проникнута вся политика Феодосия II, направленная на поддержание мира в империи. При нем формируется новый идеал христианского императора: это правитель, опирающийся на закон и подчиняющийся закону. Главным государственным проектом Феодосия II было новое объединение империи под властью одной семьи, достигнутое посредством династического брака его дочери Евдоксии с императором Запада Валентинианом III, по отношению к

которому он занял патерналистскую позицию. Феодосий II покровительствовал церкви, однако пресекал злоупотребления христиан и воздерживался от прямого вмешательства в церковную жизнь (два созванных им Вселенских собора прошли вдали от столицы, и сам он на них не присутствовал). Итогом его образовательной политики стало установление государственного контроля над преподаванием.

Евдокия не оставалась в стороне от важнейших государственных начинаний своего мужа. Ее первое известное выступление с чтением своих стихов связано с окончанием войны с персами. Традиционно считается, что Евдокия была причастна к открытию в 425 г. Аудиториума — «Константинопольского университета», как его называют. Евдокия сохраняла связи с прежней средой и, видимо, пыталась привлечь языческих интеллектуалов к христианству и к служению христианской империи.

Евдокия также участвовала в утверждении культа Богородицы после Эфесского собора 431 г., и, более того, можно предположить, что она наряду с Пульхерией играла церемониальную роль «земной проекции Богородицы». Личное несчастье — смерть дочери, а впоследствии, возможно, и сына — способствует ее вживанию в роль (похоже, что в Гомеровском центоне можно усмотреть следы собственных материнских чувств поэтессы).

Если творчество Евдокии не ограничивалось известными нам произведениями, возможно, на многие события она откликалась столь же непосредственно, как и на победу над персами. Дошедшие до нас сочинения — поэма «О св. Киприане» и Гомеровский центон — по самому своему жанру не предполагают прямого отклика на события современности. Однако косвенные отражения имперской политики, которую Евдокия поддерживала, увидеть в них можно. В целом представляется, что при всей разности и несопоставимости таких явлений, как составление свода законов, возвращающее империю к традициям римского права, «либеральная» христианизация империи, монополизация образования христианской властью при сохранении его прежней методики — и сочинение императрицей стихов, в которых сочетались античная форма и

христианское содержание, «воцерковление гекзаметра» — это звенья одной цепи, разные стороны одного процесса.

Паломничество Евдокии в Иерусалим, совершенное ею в 438 г., было важнейшим церемониальным мероприятием, вполне закономерным в контексте политики Феодосия II и его ориентации на идеалы константиновской эпохи. За сто лет, прошедших со смерти Константина Великого ни одно лицо из императорской фамилии не посещало Святой Земли. Евдокия продолжала начинание св. Елены, очевидно, претендуя на титул «новой Елены» (впоследствии доставшийся Пульхерии). Возможно, у Евдокии была и дипломатическая миссия. Паломничество было также приурочено к освящению базилики первомученика Стефана, мощи которого она привезла в Константинополь.

На пути в Иерусалим Евдокия выступала с публичной речью в Антиохии. Такое выступление для женщины в античности — большая редкость. От этой речи сохранилась одна строка, составленная в технике центона из гомеровских стихов.

Паломничество Евдокии отразилось во многих источниках, в частности, в одной из эпиграмм Палатинской Антологии (AP 1, 105), и близком по времени агиографическом памятнике: житии прп. Мелании, написанном пресвитером Геронтием. Примечателен содержащийся в этом житии рассказ о «духовной дружбе» царицы и подвижницы. Сопоставление биографических сведений с текстом усваиваемых Евдокии эпиграмм дает возможность предположить, что они были написаны во время первого паломничества и имели под собой биографическую основу.

Во **второй главе** рассматривается биографическая легенда об удалении Евдокии от императорского двора и делается попытка восстановить подлинный ход событий.

Точное время отбытия Евдокии в Иерусалим неизвестно, как неизвестны точно и причины, побудившие ее покинуть Константинополь. Традиционно ее второе паломничество считается ссылкой, последовавшей за уличением в измене, хотя этот взгляд единственным не является. Знаменитую «историю с яблоком» первым рассказывает Иоанн Малала, а вслед за ним — очень многие византийские

историки и хронисты, с минимальными изменениями. По форме повествования эта история выглядит скорее новеллой с фольклорными истоками, нежели рассказом о подлинных событиях.

Обрывочность и спутанность информации, заметные расхождения в датировке у хронистов, которые имели доступ к государственным архивам и, как правило, дают довольно точные сведения, по-видимому, говорят лишь о том, что значительная часть документов, связанных с Евдокией, была по какой-то причине уничтожена, и уже авторы VI в. ничего достоверно о ней не знают, а, подобно исследователям новейшего времени, пытаются склеить между собой имеющиеся фрагментарные сведения. Причиной возникновения легенд является стремление заполнить информационную лакуну, образовавшуюся вследствие нарушения порядка престолонаследия. По закону наследником Феодосия II должен был стать его зять, император Западной империи Валентиниан III, который имел право поставить императора на Востоке. Однако после гибели Феодосия власть взяла в свои руки его сестра Пульхерия, вышедшая замуж за доместика Маркиана и провозгласившая императором его. Евдокия в это время уже находилась в Иерусалиме. Точные причины ее отъезда неизвестны, как и его время, однако впоследствии возобладала та версия событий, которая была наиболее выгодна новой власти: якобы Евдокия была изгнана лишена всех почестей самим Феодосием II, который сам пожелал, чтобы его наследницей стала сестра Пульхерия.

Сохранились некоторые сведения о последних годах Евдокии в Палестине. После Халкидонского собора она встала на сторону его противников, однако после взятия Рима вандалами, когда ее дочь, императрица Запада, и две внучки, оказались в плену, ради помощи им, по-видимому, вынуждена была примириться с Маркианом и признать решения Халкидона, хотя ангажированность и пристрастность церковных историков разных направлений не дают возможности выяснить истинное положение дел. Примечательно, что из двух церковных партий в расколоте Палестине каждая считает Евдокию своей. Возможно, это говорит о том, что в Палестине Евдокия продолжала ту же политику примирения, которой

придерживался Феодосий II. О ней с уважением отзываются, к примеру, халкидонит Кирилл Скифопольский и антихалкидонит Иоанн Руф, причем каждый называет имя ее духовного наставника. Не исключено, что за искание «духовного руководства» был принят чисто познавательный интерес Евдокии к подвижничеству.

Находясь в Палестине, Евдокия продолжала свою литературную деятельность. По-видимому, именно тогда она работала над Гомеровским центоном, в котором отдаленно угадываются аллюзии на события современной ей политики.

В третьей главе дается краткий обзор основных тенденций поэзии IV–V вв. и его контексте рассматриваются несохранившиеся произведения Евдокии, известные лишь по упоминаниям у других авторов (историка Сократа, патриарха Фотия, возможно, Евагрия Схоластика).

Давая обзор литературных жанров, в которых проявила себя поэтесса (ораторское выступление, парафраз, центон, “*patria*”), М. Уитби отмечает, что «эта императрица обладала риторическими навыками странствующего софиста»². Действительно, именно эти жанры наиболее интенсивно развиваются в ее эпоху и именно им она отдает дань в своем творчестве. Поэзия этого времени была тесно связана со школьным обучением риторике и во многом являлась его продолжением: наиболее удачно выполненные риторические упражнения (*progymnasmata*) становились литературными произведениями. Такая поэзия была достоянием людей образованных (хотя проникала и в более низкие социальные слои, особенно в христианской своей части). Классическая тематика, продолжающая античную, сосуществовала с христианской. Между двумя этими мирами: поэзией языческой и поэзией христианской — нет непроницаемой преграды. В то время как классические формы наполняются христианским

---

² Witby M. Writing in Greek: classicism and compilation, interaction and transformation / Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity / ed. C. Kelly. Cambridge, 2013. P. 213.

содержанием, образы античной языческой поэзии переселяются в поэзию христианскую, теряя свое первоначальное культовое значение. Христианская поэзия уже имеет своих классиков — в первую очередь, свт. Григория Богослова. Одним из его нововведений была автобиографическая поэма. Неким мериллом формального совершенства считается поэзия Нонна. В настоящее время исследователи склоняются к мнению, что сам Нонн был христианином, несмотря на ту огромную роль, которую в его творчестве играла классическая тематика. Нонновский парафраз Евангелия от Иоанна не просто пересказывает события, но содержит в себе элементы экзегезы. Нонновский стиль — «модернистский» в противовес архаическому «гомеровскому» стилю большинства поэтов позднего эллинизма, к числу которых принадлежала и Евдокия, хотя она испытала довольно сильное влияние Нонна.

В эту эпоху по-прежнему пишутся многочисленные эпиграммы, разнообразные посвятительные надписи, украшавшие строения. Уровень их весьма различен: от просодически-безупречных до написанных с явными метрическими сбоями. По-видимому, в V в. начинается процесс, ранее неизвестный: латинская поэзия оказывает влияние на греческую, по крайней мере, придворную, поскольку латынь является придворным языком. В латинской поэзии шире используются новаторские жанры (библейские парафразы, парафразы житий, центоны) и активнее осваивается христианская тематика. Возможно влияние латинской поэзии и на поэзию Евдокии.

Начиная с середины IV в. как на латинской, так и на греческой почве распространяется жанр библейского парафразы, продолжающий традиции античного дидактического эпоса и в то же время выросший из школьных риторических упражнений. Эти произведения начали создаваться одновременно на Западе и на Востоке (можно вспомнить парафразы Ювенка, двух Аполлинариев, отца и сына; Целия Седулия). Евдокия тоже отдает дань этому жанру и перелагает в стихи целый ряд книг Ветхого Завета.

На латинской почве расцветает и жанр центона. «Центон — поэма или поэтическая секвенция, составленная из узнаваемых стихов»³, гомеровских или вергилиевских. Для образованных людей поначалу это была интеллектуальная игра, которую сравнивают с мозаикой в изобразительном искусстве, однако у христианских поэтов она превратилась в своего рода подвиг служения Богу. Именно с таким настроением создавала свой Вергилианский центон латинская поэтесса Проба, так же смотрела на свой труд и Евдокия. Впрочем, какой бы серьезной и благочестивой ни была мотивировка составления центонов, момент интеллектуальной игры, унаследованной от Второй софистики «игры с традицией», возведенный в принцип, в них все равно остается. Поэты на разные лады экспериментируют с жанром и стилем, формой и содержанием. В этой игре обнаруживается «историческая подвижность» всех категорий, формы смешиваются, сливаются и образуют нечто принципиально новое. Это было общее веяние времени, отразившееся и в поэзии Евдокии.

Первым известным сочинением Евдокии была **поэма о войне с персами**, о которой сообщает Сократ (Socrat. Hist. eccl. 7, 18, 9–20, 13). Не исключено, что поэма не только была ему известна по названию, но и использована им при описании событий этой войны. Основания для такого предположения следующие. Повествование Сократа носит литературный и даже эпический характер. Определенно преувеличены цифры (около ста тысяч погибших). Повествование драматизировано и морализировано. В принципе, способ вкрапления в историю поэтических сочинений вполне характерен для античной историографии и персонально для Сократа (примерно так же строился его рассказ о битве при Фригиде, заимствованный им у Руфина Аквилейского и испытавший влияние описания битвы в поэме Силия Италика «Пуника» (9, 491–515). Таким образом, некоторые подробности Сократ мог брать из поэмы Евдокии. Кроме того, в этом описании четко прослеживаются идеологические установки Феодосия II: его идеал

---

³ Sandness K. The Gospel “According to Homer and Virgil”. Leiden — Boston: Brill, 2011 P.

— мир, победа над персами — это его победа, данная ему Богом, и лишь его великодушие прекращает войну. Надо думать, что Евдокия писала о победе над персами примерно в том же духе. Можно также увидеть некоторые параллели между поэмой «Блемиомахия» (авторство которое предположительно приписывают Олимпиодору Фиванскому) и рассказом Сократа о сражениях с персами. Если автором «Блемиомахии» был Олимпиодор, Евдокия могла подражать ему (или даже создавать свои первые пробы под его непосредственным руководством), поскольку он был знакомым ее отца. Творческая деятельность Евдокии с самого начала оказалась связана с политикой ее мужа: она прославляла его победу. И хотя кроме этого ее публичного выступления известно лишь одно: речь, произнесенная в Антиохии по пути в Иерусалим, — при общей скудости сведений можно предположить, что их было больше.

О **переложениях библейских книг**, составленных Евдокией, сообщает Фотий (Phot. Bibl. Cod. 183–184, 128a, 31). Это:

Парафраз Восьмикнижия (Октатевха), включавший в себя библейские книги от Бытия до Руфи. Для Евдокии именно эта форма была особенно значима, поскольку соотносилась и с ее личным обращением в христианство, и с церемониальной ролью «Церкви от язычников», и с миссионерской проблематикой, которая ее интересовала.

Парафраз книги пророка Захарии. Есть нечто общее между грозными образами этой книги и пугающими видениями из *Confessio* в поэме «О св. Киприане». В этой же книге ясно выражена мысль о некоей особой судьбе Иерусалима, что коррелирует с интересом Евдокии к Палестине.

Парафраз книги пророка Даниила. Возникает соблазн объяснить его перипетиями ее личной судьбы и тем фактом, что ее дочь и внучки оказались в вандальском плену. Однако время составления парафразы неизвестно. Фотий упоминает парафразы и поэму о Киприане, но ничего не говорит о центонах, рукописная традиция которых связана с Палестиной. Это заставляет предположить, что только центоны были составлены в палестинский период жизни Евдокии, а

парафразы принадлежат к более раннему времени и в таком случае личная мотивация отсутствует.

Сохранилось несколько **эпиграмм**, так или иначе связанных с именем Евдокии. При этом только об одной из них можно сказать с достоверностью, что ее написала Евдокия. Еще три, несомненно, связаны с Евдокией и две под вопросом. В этот список мы включили и сохранившуюся строчку из ее «антиохийской речи». Список выглядит следующим образом:

1. Фрагментарно сохранившаяся **надпись из Афин**, с постамента статуи императрицы, написанная пентаметром. В ней говорится, что Феодосий поставил статую в честь Евдокии. Авторство Евдокии маловероятно.

2. **Стихотворная строка из «антиохийской речи»** Евдокии. Составлена в присущей Евдокии технике центона из гомеровских строк. Не исключено, что речь заканчивалась целым стихотворением.

3. **Надпись**, найденная в начале 1980-х гг. при раскопках бань в **израильском Хамат-Гадере**, подписанная именем Евдокии. Аутентичность ее не оспаривается, однако встает вопрос о времени посещения гадарских источников царицей. Не исключено, что надпись относится к первому паломничеству Евдокии.

4. **Еще одна надпись из Хамат-Гадера**, которую пытались атрибутировать Евдокии, но без подписи. Авторство Евдокии маловероятно, однако сходство этой эпиграммы и предыдущей еще раз свидетельствует о распространенности такого вида творчества и о том, что уровень Евдокии был обычным для ее эпохи.

5. **Эпиграмма Палатинской Антологии** (AP 1, 105), сообщающая о поклонении Евдокии Гробу Господню. Авторство Евдокии маловероятно, но не исключено.

6. **Надпись из турецкого города Сафранболу**, с благодарением мч. Стефану за исцеление, аутентичность которой вызвала много дискуссий и мнения разделились. К. Манго считает ее подделкой, Э. Ливреа допускает подлинность. История обнаружения этой эпиграммы очень темна и смутна,

однако представляется, что она может быть подлинной. Во всяком случае, содержание ее соотносится с повествованием из «Жития прп. Мелании» о травме ноги, полученной Евдокией в Иерусалиме, а текст лексически соотносится с теми же источниками, которыми пользовалась и Евдокия. Возможно, эпиграмму пытались использовать для обоснования подлинности мощей мч. Стефана и запутанность ее истории связана с этим.

7. Эпиграмма в форме центона, предположительно из Пафлагонии, которая Евдокии не приписывается, но попадает в поле зрения исследователей ее творчества по сходству формы. Авторство Евдокии подтвердить не получается, хотя содержание эпиграммы можно соотнести с житием почитаемого ею прп. Полиевкта Мелитинского.

Независимо от того, какая часть этой подборки эпиграмм усваивается Евдокии, а какая нет, они свидетельствуют о том, что поэзия подобного стиля и уровня была довольно широко распространена, а идея, которой служила своим творчеством Евдокия: синтез классической культуры с христианским мировоззрением, — жизненна и востребована.

Фрагмент о монашестве. Евагрий Схоластик, рассказывая о благотворительной деятельности Евдокии в Палестине, вставил в текст на первый взгляд не вполне относящийся к теме пространный пассаж, в котором говорится о видах подвижничества, распространенного в Палестине (Euagr. Hist. eccl. 1, 21). Привязан он к рассказу о монастырях, основанных Евдокией и пользовавшихся ее покровительством. Однако дальше начинается повествование о крайних формах аскезы. Такое монашество и не нуждалось в покровительстве со стороны царицы. В то же время это повествование перекликается с житиями подвижников, с которыми Евдокия общалась в Палестине (прп. Мелании, Варсумы). Одно из описаний подвига, когда святые затворялись в тесной келье, непосредственно соотносится с рассказом Геронтия о Мелании (VMG 40). Описание строгого поста, когда подвижники доводят себя до состояния почти «мертвецов без гробниц», напоминает пассаж из поэмы «О св. Киприане» (Eudoc. Cyp. 157–158), где с мертвецом сравнивается изможденная постом Иуста. В тексте Евагрия

присутствует платоновская цитата, встречающаяся также у Афинейя (Deipn. 11, 116), но пересказанная другими словами. Представляется, что весь фрагмент о монашестве у Евагрия может восходить к тексту Евдокии, поэтическому или прозаическому, и именно поэтому Евагрий помещает его в рассказ о ней.

В четвертой главе рассматриваются история текста поэмы «О св. Киприане», происхождение легенды о Киприане Антиохийском и вопрос авторского участия Евдокии в ее разработке. Поэма «О св. Киприане» изначально состояла из трех частей, из которых полностью сохранились первая и значительная часть второй. Кроме того, содержание всех трех ее частей: *Conversio*, *Confessio* и *Martyrium* — известно по пересказу у Фотия.

Поэма «О св. Киприане» — единственный сохранившийся греческий образец жития, написанного гекзаметром. То же житие бытует в прозаической версии текста, дошедшей во многочисленных списках на разных языках (рассмотрение их в наши задачи не входило, была произведена только частичная сверка с греческими версиями). Вопрос о соотношении прозаической и поэтической версий дискутируется давно, но однозначного решения его нет. Сопоставление показывает, что эти тексты, хотя и близки, вполне самостоятельны. В настоящее время принято считать, что это Евдокия переложила прозаическое житие в стихи. На наш взгляд, степень ее авторского участия могла быть гораздо значительнее и вклад не сводился к переложению готового текста на язык эпоса, но она в значительной степени расширила и видоизменила сюжет жития.

Легенда о Киприане, колдуне, обратившемся в христианство, первоначально связывалась со сщмч. Киприаном Карфагенским. Именно к нему относит ее свт. Григорий Богослов в «Слове 24–м, в похвалу сщмч. Киприану». В его рассказе уже содержится основная фабула жития, причем с начала (жизни Киприана до обращения) до конца (мученической кончины Киприана). Изложение Григория схематично. Вероятно, он пересказывает уже бытовавший к тому времени источник. По содержанию его рассказ охватывает все три части поэмы Евдокии. Однако целый ряд элементов сюжета, наличествующих в поэме и ее прозаических аналогах, у него отсутствует:

- 1) Отсутствует рассказ об обращении в христианство Иусты-Иустины и само имя ее не называется.
- 2) Отсутствует рассказ о юноше Аглаиде.
- 3) Нет диалогов Киприана с бесами.
- 4) Нет подробного рассказа о магическом искусстве Киприана.

Григорий Богослов упоминает некое «слово» Киприана Карфагенского, где тот признается в своей порочной жизни. В связи с этим принято считать, что *Confessio* существовало уже в IV в. Однако представляется, что основанием для возникновения легенды могло послужить послание Киприана Карфагенского «К Донату» (Ер. 1), где тот говорит, что жизнь его до крещения была погружена во мрак.

Примерно в том же виде, что у Григория Богослова, ту же легенду в двух словах пересказывает Пруденций в стихотворении, посвященном Киприану Карфагенскому. Следовательно, с конца IV — первых лет V в., до конца 430-х — начала 440-х гг. (предположительного времени написания поэмы «О св. Киприане») легенда пережила период бурного развития. В дальнейшем ее сюжет уже почти не менялся (существует также версия Симеона Метафраста, несколько отличающаяся от версии Евдокии, но не привносящая ничего принципиально нового). Это заставляет предположить чей-то значительный авторский вклад. Вполне возможно, что именно Евдокия переработала легенду и привела ее в тот вид, в каком мы имеем ее в прозаических житиях, которые, в свою очередь, могли быть не оригиналом для ее версии, а напротив, прозаическими парафразами поэтического текста (переложение как прозы в стихи, так и стихов в прозу было распространенным школьным упражнением). Хотя как поэт Евдокия не настолько значительна, чтобы ее произведения изучались в школе, ее особое положение императрицы и покровительство образованию наводят на мысль о возможности такого использования ее поэмы. Впрочем, без рассмотрения всех списков прозаического жития на разных языках решить этот вопрос окончательно не представляется возможным.

Евдокия могла взять за основу версию Григория Богослова (или ту, на которую опирался он), и дополнить ее материалом из различных источников, а также по-своему вписать в географическое пространство. Э. Ливреа⁴ предполагал, что создание поэмы приурочено ко времени объявления августой дочери Евдокии, которая стала императрицей Запада. Правда, Ливреа считал, что оно также связано с перенесением мощей мчч. Киприана и Иустины. Однако Киприан Антиохийский — вымышленная личность, и никаких признаков его культа отдельно от сщмч. Киприана Карфагенского во времена Евдокии или ранее не замечается. Зато в поэме присутствуют как будто аллюзии на события жизни самой Евдокии:

1. Киприан начинает обучение в Афинах, родном городе Евдокии. Афины изображены как город зловещих языческих культов, в чем, возможно, сказалось личное отношение Евдокии.

2. Киприаном владеет жажда знаний и любовь к наукам. При этом его интересует астрология, медицина, естественные науки. Те же интересы разделяли Феодосий II и сама Евдокия. Киприан сравнивается с Соломоном — с Соломоном сравнивали и Феодосия II.

3. В поэме чувствуется определенный интерес автора к нумерологии. Интерес к математике приписывался Феодосию II и Евдокии.

4. Факт смены имени сближает Иусту-Иустину с Афинаидой-Евдокией.

5. Как Афинаида, по крайней мере, в легенде, прощает своих обидчиков-братьев, так и Иуста прощает Аглаида, когда тот, продолжая домогаться ее, превращается в птицу.

6. Киприан, придя в церковь, слышит в цитатах Писания указание своего жизненного пути. Точно так же и жизнь Евдокии была «регламентирована» библейскими цитатами, в которых встречается слово *εὐδοκία*.

---

⁴ Livrea E. L' imperatrice Eudocia e Roma. Per una datazione del De S. Cypr. // *Byzantinische Zeitschrift*. Vol. 91, 1. 1998. P. 70–91.

7. Тема Киприана и Иустины, язычников, разными путями обращающихся в христианство, была актуальна для Евдокии. Идея, что Христос может просить любого человека, даже общавшегося с бесами, по видимому, созвучна имперской идеологии Феодосия II.

8. Наконец, именно в контексте политики Феодосия II, которую поддерживала и Евдокия, понятен широкий географический размах поэмы. Действие ее развивается в Антиохии, которую Евдокия посетила во время паломничества в Иерусалим; святые терпят мучение в Никомедии, которую она также проезжала на пути; мощи мучеников переносятся в Рим — тем самым подчеркивается единство Западной и Восточной империй.

Само по себе каждое из этих совпадений может быть случайностью, но все же количество их достаточно, чтобы заподозрить некую закономерность.

Среди источников сюжета определенно опознаются некоторые апокрифы: «Деяния Павла и Феклы», «Завещание Соломона», «Апокриф Ианния и Иамврия» и др. Апокрифические мотивы в поэме представлены достаточно богато, причем наблюдается тяготение к эстетике ужасного и интерес ко всяческой эзотерике.

Если *Conversio* выглядит как вполне оформленное житие, то *Confessio* представляет собой собранную почти в центонной технике компиляцию множества разнообразных источников. Поскольку рассказ ведется от первого лица, можно заподозрить знакомство автора с Орфической Аргонавтикой, поэмой Григория Богослова «О своей жизни» или «Исповедью» Августина. Явно использована ямвлиховская «Жизнь Пифагора», видны параллели с филостратовской «Жизнью Аполлония Тианского». Вероятно знакомство с сочинениями Климента Александрийского («Протрептик») и Оригена, различными сочинениями по астрономии и астрологии, «Метаморфозами» Апулея или, может быть, их грекоязычным аналогом. Рассказы о борьбе с демонами свидетельствуют о знании монашеской литературы («Жития св. Антония», «Лавсаика» и т.п.)

В пятой главе прослеживаются найденные у Евдокии параллели с текстами других поэтов, у которых она заимствовала лексику и готовые эпические формулы.

Ее манера порой приближается к центонной: один стих может быть составлен из двух-трех формул, заимствованных у предшественников. Сверка текста выполнена при помощи поисковой системы по корпусу TLG.

Вопреки суждениям критиков (А. Кэмерон, П. Ван Дойн) Евдокия хорошо знает правила и литературную традицию (круг ее начитанности далеко превосходит обычный школьный уровень) и старается включать в текст «проверенные» слова и выражения в «проверенных» метрических позициях. Основные авторы, на которых она ориентируется: Гомер, Аполлоний Родосский и Григорий Богослов. Несколько реже встречаются совпадения с Гомеровыми гимнами, Гесиодом, Феокритом, Еврипидом. Присутствуют аллюзии на позднеантичную поэзию малых форм. Примечательно знакомство с творчеством двух Оппианов. Очень много совпадений с Нонном. Примечательны также единичные пересечения с авторами, писавшими на естественнонаучные и околонукальные темы (Арат, Аретей Каппадокийский, Гален, Дионисий Периегет, Манефон). Знакомы поэтессе также «Книги Сивилл», орфические гимны и «Орфическая Аргонавтика». При этом по лексике непохоже, чтобы Евдокия была знакома с поэмой Трифиодора или с «Видением Дорофея», хотя прием этопеи, рассказ от первого лица, сближают поэму Евдокии с поэмами из Бодмеровского собрания.

Возникает вопрос, было ли для Евдокии (и вообще для позднеантичного поэта) сочинение стихов процессом преимущественно устным (нужные слова или формулы брались из памяти) или письменным (они же при надобности выискивались в соответствующих текстах). Расположение формул в определенной метрической позиции роднит позднеантичную поэзию с гомеровским эпосом и вполне укладывается в «устную теорию» эпоса. Именно так рассматривал составление центона М. Ашер⁵, указывая на приемы рапсодов, которыми пользуется Евдокия. Однако представляется, что подход здесь скорее

---

⁵ Usher M. *Homeric Stitchings. The Homeric Centos of the Empress Eudocia*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 1998. P. 17–35.

комбинированный. Сам Ашер называет Евдокию Reader-Rhapsode, и это наименование вполне точно отражает стиль ее работы.

Разумеется, основу поэтического лексикона, используемого Евдокией, составляют **заимствования из Гомера**, насчитывающиеся в ее небольшой поэме сотнями. В случаях, если обнаруживается совпадение с Гомером и с каким-то более поздним поэтом, Гомеру, несомненно, следует отдавать предпочтение как главному источнику. Евдокия может поставить заимствованную у Гомера формулу в той же позиции, что и у него, может переставить гомеровскую формулу в другую метрическую позицию. Нередко обнаруживаются совпадения одновременно с Гомером и с каким-то более поздним автором. При этом не исключено, что, переставляя формулу в иную метрическую позицию, Евдокия уже следует чьему-то образцу. Бывает, что поэтесса по какой-то причине использует вариацию гомеровской формулы, а иногда заменяет неподходящее ей по смыслу слово гомеровской формулы на другое, аналогичное по грамматической форме и сходное по звучанию. Евдокия достаточно хорошо знает морфологию гомеровского диалекта, знает правила и исключения из правил. Используя синкопированные формы, которых обычно избегали поэты имперской эпохи, она старается заимствовать их у Гомера; то же можно сказать об элизии в знаменательных частях речи. Иногда Евдокия употребляет крайне редкие гомеровские формы. Она отдает себе отчет в вариативности форм гомеровского диалекта и порой сама сочиняет ложноэпические формы, похожие на гомеровские. Весьма интересно переосмысление Евдокией гомеровской лексики и приписывание словам новых христианских значений. Для обозначения христианских реалий Евдокия может пользоваться следующими приемами: 1) вкладывать новое значение в слово, заимствованное у Гомера или у других классических поэтов или брать такое слово у христианских поэтов-предшественников; 2) заимствовать прозаизмы у христианских поэтов; 3) заимствовать прозаизмы из богословской (медицинской, естественнонаучной) прозы; 4) создавать собственные псевдоэпические неологизмы.

Поэзия свт. Григория Богослова для последующей европейской христианской традиции представляет собой явление отчасти маргинальное — во всяком случае, она не может сравниться по степени известности и влияния с его прозой. Однако для самого Григория такое поэтическое самовыражение представляло первостепенную важность, и ближайшие потомки воспринимали его как великого поэта, открывшего для христианской поэзии новые пути. На Григория в определенной степени ориентировался Нонн, особенно при создании «Парафраза Евангелия от Иоанна». «Несовершенная метрика Григория Назианзина была сознательной и продуманной»⁶. Григорий Богослов, с одной стороны, раздвинул рамки дозволенного, по-своему «канонизировав» метрическое несовершенство, с другой — своими неологизмами существенно обогатил лексическо-грамматический ресурс, из которого позднейшие поэты пополняли свой запас с той же скрупулезностью и тщательностью, с какой они имитировали язык Гомера. Подобную картину можно наблюдать и у Евдокии. Текстуальных совпадений с Григорием у нее можно найти довольно много и, хотя в основном это общепоэтическая лексика, есть и уникальные совпадения.

Довольно многочисленны у Евдокии **совпадения с Нонном**. Они есть и в поэме «О св. Киприане», и в стихотворной «Апологии», предваряющей Гомеровский центон. Это могут быть лексические совпадения, моновербальные формулы в той же метрической позиции. Для обоих поэтов характерно увлечение сложными, порой вычурными прилагательными. Особый интерес представляют уникальные совпадения словосочетаний, эпических формул, словесных клише, встречающиеся только у Нонна и Евдокии, и больше ни у кого. Таких совпадений удалось найти около 15. Возникает вопрос, кто кого цитирует: Нонн — Евдокию или Евдокия — Нонна? На наш взгляд, правдоподобнее второе.

У Евдокии можно увидеть интертекстуальные отсылки к Нонну. Например, рассказывая о страсти юноши Аглаида деве Иусте, Евдокия, видимо, использует

---

⁶ Simelidis Ch. *Nonnus and Cristian Literature // Brill's Companion to Nonnus of Panopolis* / ed. D. Accorinti. — Leiden — Boston: Brill, 2016. P. 306.

нонновскую версию мифа об Ио и преследующем ее оводе. Что это именно нонновское повествование, можно понять по совпадениям формул в той же метрической позиции. Совпадение с Нонном есть и в стихотворном предисловии, обычно считающемся сочинением некоего епископа Патрикия, но, на наш взгляд, скорее также написанном Евдокией.

Если учитывать, что Евдокии известно творчество Нонна и что она в некоторой степени пользуется его нововведениями, можно несколько под иным углом зрения посмотреть и на содержательную часть поэмы «О св. Киприане», и на ее композицию, что может пролить свет на вопрос ее авторского участия в развитии сюжета. В *Conversio* содержатся два довольно пространных гимна, вложенных в уста Иусты, но, в сущности, представляющих собой самостоятельные произведения в жанре гимна. В них заметно сходство с орфическими гимнами и гимническими частями «Деяний Диониса»: гимном Гераклу-Гелиосу-Астрохитону (*Dion.* 40, 369–410) и молитвой Селене (*Dion.* 44, 191–316). Похоже, что Евдокия переделывает орфические и нонновские и гимны на христианский лад.

Точно так же, принимая во внимание нонновские принципы пойкилии и антителии, можно по-иному взглянуть на композицию поэмы. Два варианта рассказа об обращении Киприана — в *Conversio* и *Confessio* — это не механическое соединение отдельно бытовавших текстов, а сознательная попытка дать один сюжет в двух «отражениях». Второй рассказ в чем-то избыточен, но он именно он делает повествование объемным. Надо отметить, что при довольно значительном количестве лексических и смысловых пересечений метрические нововведения Нонна Евдокии остаются чужды. Следующий вопрос, который возникает при рассмотрении этих пересечений: могут ли они как-то скорректировать датировку сочинений Нонна или Евдокии? К сожалению, ничего определенного здесь сказать нельзя, поскольку датировки сочинений обоих поэтов слишком зыбки и пересечения у Нонна и Евдокии ничего в них существенно не меняют. Можно лишь говорить о том, что Евдокии известны оба сочинения Нонна. Если поэма «О св. Киприане» написана на рубеже 440-х гг., то, значит, они уже существовали. Однако не исключено, что Нонн писал не в линейной последовательности, а

разрабатывал отдельные сюжеты. Как бы то ни было, возможно, что поклонникам творчества Нонна, к числу которых, по-видимому, принадлежала и Евдокия, его сочинения становились известны задолго до завершения работы над поэмой. Это свидетельствует об интенсивных творческих связях между христианскими поэтами эпохи Феодосия II. Пунктирно вырисовывается линия контактов: Нонн из Панополя — Кир из Панополя — Евдокия. Поскольку существует мнение, что поэзию Нонна изучали в школе⁷, принимая во внимание тот факт, что государство стремилось к контролю над образованием, можно, по крайней мере, задаться вопросом, не покровительство ли Евдокии этому способствовало.

Знакомство Евдокии с поэзией **Кира из Панополя**, как и личное знакомство с поэтом, в подтверждении не нуждается: о нем сообщают источники. Возникает вопрос, оказал ли Кир влияние на поэзию Евдокии. К сожалению, от поэтического наследия Кира слишком мало уцелело, а кроме того, сохранившиеся произведения в основном принадлежат к разным жанрам: от Кира дошли эпиграммы (хотя, может быть, он писал и эпические сочинения), а от Евдокии дошла лишь одна достоверно аутентичная эпиграмма (о гадарских банях). На первый взгляд, сходства между ними немного, нет даже сколько-нибудь примечательных лексических совпадений. Однако можно отметить общие черты: в качестве стихотворного размера оба поэта предпочитают гекзаметр; оба прекрасно знают гомеровский текст. Оба используют сложные, вычурные прилагательные; у обоих есть лексические совпадения с Нонном, однако ни Кир, ни Евдокия не подражают ему в метрике; у Кира, как и у Евдокии, цезуры в стихе разнообразнее, чем у Нонна; у обоих встречается эффектный асиндетон, собирающий цепочку из слов длиной в стих. Таким образом, некоторые общие черты прослеживаются.

Шестая глава посвящена Гомеровскому центону.

Сведения о том, что Евдокия составила Гомеровский центон, появляются только у Иоанна Зонары (Zonar. Epit. hist. 13, 23), но поскольку они подкрепляются

---

⁷ De Stephani C. Brief Notes on the Manuscript Tradition of Nonnus // Brill's Companion to Nonnus of Panopolis. P. 671.

рукописной традицией, участие ее несомненно. Однако вопрос авторства осложняется тем, что Гомеровские центоны дошли до нас во множестве списков и в нескольких редакциях. Критическое издание Р. Скембры включает две полных редакции, пространную и краткую, и три выборочных, обнаруживающих дальнейшую тенденцию к сокращению.

Первая редакция (1НС), самая полная и наиболее ранняя, представлена в наибольшем количестве рукописей и изданий, начиная с эпохи Возрождения. Она включает в себя 2344 стиха по изданию М. Ашера и 2354 по изданию Р. Скембры. Именно ее связывают с Евдокией, хотя мнения исследователей относительно степени ее авторского участия расходятся, поскольку известно, что Евдокия переработала уже существовавший к тому времени центон епископа Патрикия. Аргументы в пользу принадлежности 1НС Евдокии следующие:

1. Эта редакция является наиболее распространенной, что соответствует известности имени царицы (такого мнения придерживается Р. Скембра, хотя он сводит роль Евдокии к тому, что она «переписала своей рукой» первоначальную редакцию, лишь немного изменив ее⁸).

2. На наш взгляд, доказательством принадлежности 1НС Евдокии может служить ее композиционное сходство с Вергилианским центоном Пробы, с которым Евдокия могла быть знакома, т.к. он имелся во дворцовой библиотеке и возможно, был подарен Феодосию II. В 1НС добавлена ветхозаветная часть.

3. В «Апологии» Евдокии, где она объясняет, почему и как взялась за доработку «полуоконченного» центона Патрикия, она указывает на техническую погрешность, в которой ее можно упрекнуть: наличие «двойных строчек» (δοιίδες), т.е. нескольких стихов гомеровского текста. Именно в 1НС присутствует наибольшее количество крупных фрагментов гомеровского текста: от двух до семи строк, взятых подряд.

---

⁸ Homerocentones / ed. R. Schembra // Corpus Christianorum Series Graeca. Vol. 62.

4. В поправках, внесенных в гомеровский текст для «вживления» его в новое повествование, в процессе аккомодации и субституции употребляются отдельные редкие слова, характерные именно для Евдокии и даже свойственные именно ей ошибки. Правда, те же особенности сохраняются и в других редакциях текста, однако это свидетельствует лишь о том, что в дальнейшем работа шла в основном по линии сокращения уже существующей редакции.

5. Именно в 1НС насчитывается наибольшее количество эпизодов с женщинами (они занимают более 500 стихов). В последующих редакциях эти эпизоды значительно сокращены. В центоне присутствует сравнение работы поэта с исконно женским ремеслом — ткачеством (точка зрения А. Лефтерату⁹).

6. 1НС испытала влияние еще одного сочинения, которому приписывается женское авторство — «Книг Сивилл».

7. В 1НС использованы апокрифы (Протоевангелие Иакова, предание о Веронике Кровоточивой, Евангелие от Никодима).

8. В 1НС можно увидеть аллюзии на современную Евдокии политическую ситуацию (возможно, что посредством интертекстуальных аллюзий Ева, соблазненная яблоком ради брака с Адамом, сравнивается с Пульхерией, вышедшей замуж за Маркиана; это сравнение бытовало в миафизитской среде).

Стихотворное «Предисловие Патрикия», прилагаемое к центону вместе с «Апологией» Евдокии по стилю настолько близко сочинениям поэтессы, что, на наш взгляд, можно говорить о том, что именно она его и написала.

Принципы, по которым создавался Гомеровский центон, были подробно описаны М. Ашером¹⁰. В отличие от Вергилианского центона Пробы в

---

⁹ Lefteratou A. From Haimorrhoussa to Veronica? The Weaving Imagery in the Homeric Centos // Greek, Roman, and Byzantine Studies. Vol. 47. 2017. No 2: 1085–1119.

¹⁰ Homeric Stitchings. The Homeric Centos of the Empress Eudocia. Lanham, 1998.

Гомеровских центонах довольно редко используются полустишия (нередко всего 1–2 раза на 100 стихов). Если центон составлялся из полустиший, деление стиха шло по цезуре. Однако независимо от того, составлялся центон из полустиший или целых стихов, для связности поэту-центонисту приходилось вносить небольшие изменения. М. Ашер выделяет грамматическую аккомодацию и семантическую субституцию как два основных вида таких замен. Грамматическая аккомодация выражается в изменении рода, числа или падежа в изменяемых частях речи. Семантическая субституция состоит в замене слов на более подходящие по смыслу. Имена собственные, не соответствующие содержанию центона, исключаются и заменяются местоимениями или какими-то иными подходящими словами, но, как правило, не именами собственными.

Читать центон можно на трех уровнях:

1. Событийный уровень (макроуровень). Это последовательный пересказ эпизодов из Евангелия, своего рода евангельская гармония в стихах. С богословской точки зрения, в основе этого повествования — спасение человечества.
2. Эпический или стилистический (микроуровень). На этом уровне автор старательно имитирует гомеровский стиль, сохраняя сравнения, устойчивые эпитеты, образ повествователя и т.п.
3. Наконец, третий уровень — интертекстуальный, философский или даже «тайноводственный», открытый лишь тем, кто хорошо знаком с гипотекстами и ищет в гипертексте более глубокого смысла.

Интертекстуальность Гомеровского центона связана с утвердившейся в поздней античности традицией деконтекстуализации авторитетных текстов. Как христианская аллегорическая экзегеза деконтекстуализирует текст Священного Писания, так неоплатоническая — текст Гомера. Неоплатоники считали, что Гомер причастен высшей правде, и искали в нем скрытые смыслы. Евдокия, очевидно, была знакома с неоплатонической традицией толкований Гомера. Ее труд — отчасти продолжение той же традиции, отчасти полемика с ней, попытка создать «христианского Гомера». Для христианки Евдокии «высшая правда»

применительно к Гомеру означает возможность усмотреть у него пророчества о Христе и Его Церкви. Именно это и можно в изобилии наблюдать в 1НС. Например, в уста Гомера вкладывается (или же у Гомера вычитывается) понятие «Богочеловек» — θεὸς ἤδὲ καὶ ἀνὴρ. Ко Христу довольно часто прилагаются гомеровские строки, относящиеся к Афине, и параллель здесь, очевидно, не ограничивается возможностью прочтения слова θεός в мужском роде вместо женского. Устойчивых уподоблений одних и тех же евангельских персонажей одним и тем же гомеровских героев в 1НС не замечается, однако встречающиеся со Христом и исцеляемые Им часто уподобляются Одиссею, который возвращается на родину (возможно, Евдокии известна плотиновская метафора Одиссея как души, стремящейся к небесному отечеству (Enn.1, 6, 8). Часто обыгрывается метафора мистического брака со Христом, особенно в эпизодах с женщинами. Кровоточивая, дочь сотника (евангельская дочь Иаира), самарянка регулярно сравниваются с Пенелопой, которая узнает Одиссея. Если учитывать, что тема предпочтения девства браку ясно прочитывается и в поэме «О св. Киприане», и в центоне (брак предпочитает губительница-Ева), то, возможно, здесь открываются взгляды самой Евдокии. Если это предположение верно, то причиной ее удаления из Константинополя скорее могло быть желание посвятить себя молитве, нежели конфликт с мужем, — хотя, конечно, слишком далеко идущих выводов на столь зыбкой почве аллюзий делать не приходится.

В **седьмой главе** затрагиваются различные проблемы, связанные с языком, метрикой, стилем и жанром сочинений Евдокии.

Поэтессе сильно не повезло в том отношении, что ее творчество, еще совсем не исследованное, оказалось мишенью для нападков со стороны исследователей, оценивавших ее язык с точки зрения классических норм. А. Кэмерон и П. Ван Дойн отмечали в ее языке следующие погрешности:

— употребление псевдоэпических неологизмов, не зафиксированных в гомеровском языке;

— злоупотребление частицей γε и непонимание правил употребления частицы κευ;

- варваризмы в языке;
- использование «сложных, ученых» слов;
- несоответствие ее морфологии правилам гомеровского диалекта.
- смешение разных диалектов;
- усложненность синтаксической структуры
- вольное обращение с просодией, смешение долгих и кратких звуков;
- грубость и неуклюжесть стиха; допущение зияний, синкопированных форм, которых избегали поэты имперского времени.

Из всех этих упреков справедливыми можно признать, пожалуй, только злоупотребление частицей $\gamma\epsilon$, непонимание правил употребления частицы $\kappa\epsilon\upsilon$ с индикативом прошедшего времени и усложненность синтаксической структуры (свойственная не только Евдокии). Но и эти особенности, по-видимому, спокойно воспринимались современниками поэтессы и ее последующими читателями (такими, как Фотий). Что касается норм поэтического языка, Евдокия вполне отдает себе отчет в их существовании и понимает, в каких случаях отступает от них, уступая метрической необходимости. Она ориентируется не на александрийских поэтов и их более поздних подражателей, но на архаическую классику, а также на христианскую поэзию предшествовавших веков. Кажущееся вольное отношение к правилам было для Евдокии вполне сознательным выбором, и в этом выборе она ориентируется на уже сложившуюся традицию.

Смешение диалектов для этой эпохи, и даже для более ранней, также неудивительно и в этом Евдокия не выбивается из нормы. Те или иные погрешности можно найти у Григория Богослова, Синесия Киренского или чуть более позднего Павла Силенциария. В основном Евдокия демонстрирует прекрасное знание лексики и морфологии гомеровского диалекта. При этом она, как уже было сказано, хорошо представляет себе и степень вариативности форм в эпическом языке. Поэтому она не считает нужным во всех случаях следовать прецедентам, порой позволяя себе формотворчество и словотворчество. Многие, на первый взгляд, уникальные лексические единицы или грамматические формы, используемые ею, уже встречались в поэзии. Большинство вычурных, сложных

прилагательных заимствовано ею у Оппиана, Квинта Смирнского, Нонна или из общего лексикона позднеантичной поэзии. Есть у нее сложные прилагательные, по-видимому, собственного изобретения, однако образование их отнюдь не считалось погрешностью: напротив, для поэзии это было желательное свойство.

У Евдокии встречаются аттицизмы и формы, заимствованные из койне, однако они немногочисленны и вставлены явно в качестве вольности по метрической необходимости, но не потому, что поэтесса не видит, что они незаконны. Свои прозаизмы Евдокия предпочитает брать не из разговорной речи, но из христианской поэзии (прежде всего, у Григория Богослова), а также из богословских, исторических, естественнонаучных, медицинских сочинений — что делали и другие христианские поэты. Иногда она придает эпический прозаизмам, взятым из Священного Писания или из богословской литературы.

Отличительные особенности гекзаметра Евдокии состоят в повышенной (для поэзии ее времени) частотности употребления спондеев и мужской пятиполовинной цезуры. В сравнении с другими поэтами у нее наблюдается наибольшее разнообразие форм гекзаметра по соотношению дактилей и спондеев. Дж. Агости и Ф. Гоннелли отмечают у Евдокии архаизирующие тенденции¹¹ (что коррелирует и с использованием ею синкопированных форм, элизии в знаменательных частях речи и т.д.) Частотность использования пятиполовинной мужской цезуры Агости объяснял ориентацией на латинскую поэзию, где именно эта цезура преобладает¹². Такое объяснение вполне правдоподобно, однако можно предположить также подражание орфическим гимнам или «Книгам Сивилл», которое уже было отмечено и на уровне содержания.

Нарушения правил метрики (таких, как мост Германна, правило Гилберга, правило Неке) у Евдокии довольно часты, но не в меньшем количестве они

---

¹¹ Agosti Gi. Gonnelli F. *Materiali per la storia del esametro nei poeti christiani greci // Struttura e storia del esametro greco / ed. M. Fantuzzi, R. Pretagostini. Vol. 1. — Roma, 1995. P. 315.*

¹² Agosti G. *Alcuni Problemi relativi alla cesura principale nell'esametro greco tardoantico // Autour la césure. Actes du cillique Damon des 3 et 4 novembre 2000. Bern 2004. P.71.*

встречаются у Григория Богослова. Долготу и краткость слогов Евдокия соблюдает довольно последовательно, нарушая лишь в тех случаях, когда долгий и краткий звуки обозначаются одной буквой.

В правилах, касающихся зияния, поэтесса ориентируется на Гомера, у которого оно встречается нередко. То же можно сказать об элизии в знаменательных частях речи.

В сочинениях Евдокии легко узнаются приемы школьной риторики, отработывавшиеся на типовых упражнениях (*Progymnasmata*). Те же упражнения, выполненные на более высоком уровне, превращались в самостоятельное творчество, в том числе поэтическое. Эти школьные приемы легко узнаются и в сочинениях Евдокии, причем и в поэме «О св. Киприане», и в Гомеровском центоне, и в мелких произведениях они примерно одни и те же. Считать их приметой авторского стиля Евдокии было бы неправомерно, поскольку они общеупотребительны, однако сопоставление этих школьных приемов из разных ее сочинений позволяет сблизить произведения разных жанров и выделить в них нечто общее, что составляет специфику как творчества Евдокии, так и позднеантичной поэзии в целом. В данном случае для нас важнее, как, из каких структурных элементов делались сочинения, подобные сочинениям Евдокии, а не кем именно они делались. Прежде всего риторическим приемом является уже сам **парафраз**, какими бы ни были образцы Евдокии. Наиболее сложная и трудоемкая часть ее работы состояла именно в пересказе житийного сюжета архаичным языком эпоса, в переводе повествования в совершенно иной лексический пласт (такой вид парафразы Теон называет заменой, очевидно, используется также добавление и синтаксический парафраз. Одним из излюбленных школьных упражнения был **экфрасис**. Различали экфрасис лиц, событий, времен, мест. Разные виды его присутствуют и у Евдокии, как в эпиграмме о гадарских банях, так и в поэме «О св. Киприане», и в центоне. Пожалуй, еще более характерным приемом, присутствующим и в поэме, и в центоне, является **этопея**. В поэме «О св. Киприане» есть элементы **энкомия**, составленного по школьным правилам. При написании гимнов Евдокия могла не только следовать готовым образцам

(орфическим гимнам и гимнам Нонна), но и руководствоваться предписаниями Менандра риторика. Излюбленным приемом в христианской литературе (и в гимнографии, и в торжественном красноречии) была **антитеза**. Есть эта фигура и у Евдокии. Поэтесса широко использует фигуры речи: анафору, асиндетон, полисиндетон, гипербат, — и тропы: метафору (в том числе развернутую), катахресту, антономасию.

В жанровом отношении сочинения Евдокии отражают характерную для ранней Византии переходную ситуацию, когда авторская воля вполне могла раздвигать границы жанровых канонов путем совмещения в пределах одного произведения различных жанров. В настоящее время исследователи все чаще обращают внимание на такое характерное для поздней античности явление, как экспериментальное смешение жанров (*genre bending*¹³). Поэма «О св. Киприане» может рассматриваться как эпическое произведение — с точки зрения формы, поскольку она написана гекзаметром, и как житие — с точки зрения содержания, поскольку содержит рассказ об обращении и последующем мученичестве святых Киприана и Иустины. Однако поэма — произведение намного более сложное. Как уже было сказано, по характеру создания это парафраз, поскольку в основе повествования лежит уже бытовавшее житие. Из трех частей поэмы *Conversio* и несохранившееся *Martyrium* — вполне обычные жития, построенные по уже сложившемуся к V в. канону, *Confessio* же имеет более сложную жанровую природу. Впрочем, и *Conversio* содержит романический оборот: новеллистическую вставку о неразделенной любви Аглаида к Иусте. Как бы то ни было, влияние античного романа, прямое или опосредованное, здесь несомненно. Вторая часть поэмы — *Confessio* — имеет форму, характерную скорее не для житий, а для романов: повествование идет от первого лица (от лица Киприана). Возможно также влияние жанра автобиографической поэмы. М. Уитби предполагала, что произведение можно отнести также к жанру *patria* — т.е. посвящено истории города

---

¹³ Attridge H.W. Genre Bending in the Fourth Gospel // Journal of Biblical Literature, Vol. 121. No. 1 (Spring, 2002). 2002. P. 3–21.

Антиохии, где побывала Евдокия. Иными словами, с жанровой точки зрения поэма «О св. Киприане» многомерна. В зависимости от выбранного угла зрения она может выглядеть эпической поэмой, житием, романом, парафазом, а также включает в себя форму гимна.

В отношении жанровой природы центона в настоящее время можно выделить три основных исследовательских позиции. Большинство ученых квалифицируют центон как жанр, другие называют его поджанром, некоторые считают, что центон — это скорее особая техника. Все три взгляда имеют свои аргументы. На наш взгляд, преобладающее в науке мнение более основательно: центон можно считать отдельным жанром именно потому, что его определение не вызывает никаких затруднений. Однако его жанровая природа имеет свои особенности. Центоны вбирают в себя элементы всех жанров, которые используют. Таким образом, Гомеровский центон, как и поэма «О св. Киприане», внутри безошибочно определяемого жанра центона также представляет собой сложный конгломерат различных жанровых форм: парафраза, евангельской симфонии, комментария, романа, буколической идилии, тоже со вкраплениями формы гимна. Косвенно такая типологическая близость отчасти подтверждает принадлежность обоих произведений Евдокии, хотя она скорее использует общепринятые в ее эпоху приемы, нежели изобретает свои собственные.

По-видимому, именно такой тип отношения к канону, в котором верность традиции сочетается со значительной свободой варьирования, и представлялся византийским авторам наиболее продуктивным. В этом смысле и поэма «О св. Киприане», и Гомеровский центон — произведения отнюдь не маргинальные, а напротив — весьма характерные для интеллектуальной экспериментаторской литературы поздней античности.

В заключении даются общие выводы в соответствии с поставленными в начале целями и задачами, намечаются проблемы для дальнейшей разработки.

Существующие легенды лишь обобщенно и отдаленно отражают реальность, хотя возникли не без причин и, несомненно, несут в себе рациональное зерно. Представляется, что в основном эти мифы были созданы с целью заполнения

информационной лакуны, образовавшейся в силу определенных политических причин. Уяснение исторической роли Евдокии напрямую связано с нашими знаниями об эпохе правления ее супруга, Феодосия II, поскольку, будучи единомышленницей своего мужа, Евдокия поддерживала все его начинания и, со своей стороны, вдохновляла многие из них. Историческая роль самого Феодосия II нуждается в существенной переоценке. Процветание на Востоке империи, как и относительная стабильность на Западе, является прямым результатом проводимой им осмотрительной и благоразумной политики мира и созидания. Тем не менее ситуация в империи в эту эпоху была непростой из-за борьбы придворных партий и противостояния церковных кафедр. Ухудшение внешнеполитической обстановки в 440–е гг. привело к нарушению внутренней стабильности, с которым Феодосию не удалось справиться. Обстоятельства его гибели неясны, но после его кончины, по-видимому, имела место узурпация власти, которую осуществили Пульхерия и поддерживавшие ее политические силы. Это обстоятельство стало причиной форсирования Маркианом и Пульхерией процессов церковной политики, которое вызвало разделение в церкви, а последующая конфессиональная необходимость оправдания их поступков привела к тому тенденциозному искажению исторического образа как Феодосия II, так и Евдокии, с которым мы имеем дело в византийской историографии.

Можно предполагать, что при дворе Феодосия II Евдокия пользовалась огромным влиянием, не исключено, что даже превосходившим влияние Пульхерии. Это предопределило падение ее авторитета после прихода к власти ее политической соперницы. В то же время мировоззренческие установки, господствовавшие в христианском обществе той эпохи, способствовали тому, что «христианский ригоризм» Пульхерии получил больше поддержки, нежели «христианский эллинизм» Евдокии.

Обращение Евдокии в христианство не было внешним и конъюнктурным: она с абсолютной серьезностью и ответственностью подходила к своей миссии христианской правительницы и ощущала себя связующим звеном между классической культурой и христианским мировоззрением. Об этом

свидетельствует ее поэтическое творчество, которое служило своеобразным откликом на современные ей события и в определенной степени выражало принципы правления Феодосия II, направленные на синтез достижений классической культуры с христианским мировоззрением. Однако нельзя не отметить налета религиозного синкретизма в ее творчестве, который выражается в интересе к апокрифам, нумерологии, астрологии, некоторым аспектам греческой философии, — например, аллегорическому истолкованию гомеровского текста.

Возможно, что поэма «О св. Киприане» не является близким по тексту парафразом готового жития, а представляет собой оригинальную переработку легендарного сюжета.

В обоих сохранившихся относительно крупных произведениях, усваиваемых Евдокии, наблюдается значительный интерес к апокрифам. Особенно широк круг апокрифических источников в поэме «О св. Киприане», но они используются также и в центоне, а апокрифическое Евангелие от Никодима использовано в обоих сочинениях.

Не будучи первоклассным поэтом по масштабу дарования, Евдокия успешно осваивала новые формы литературы, своим примером способствуя диалогу между приверженцами древних традиций и носителями новых взглядов.

Принижение Евдокии как поэта неоправданно: ее техника, вызывавшая нарекания у филологов, ориентированных на классические античные образцы, отражает средний уровень христианской поэзии ее времени. Она широко использует готовые эпические формулы, заимствованные у разных поэтов, соединяя их в технике, близкой к центонной. По-видимому, значительную часть словесного материала поэтесса держала в памяти, но не исключено целенаправленное выискивание нужных слов у самых разных авторов, как в поэзии, так и в прозе.

В ее творчестве улавливаются архаизаторские тенденции с последовательной и сознательной ориентацией на Гомера, в котором она, подобно неоплатоникам, видит носителя высшей правды, почти пророка. Поэмы Гомера являются для Евдокии своего рода «евангельским приуготовлением», она

стремится разглядеть в них прообразы христианского благовестия. Вместе с тем Евдокия ориентируется на уже сложившиеся традиции христианской поэзии. Не меньшим авторитетом, чем Гомер, для нее является свт. Григорий Богослов, сформировавший и утвердивший ту свободную норму стихосложения, которой она придерживается. Евдокия знакома также с образцами латинской поэзии своего времени: несомненно — с Вергилианским центоном Пробы, вероятно — с творчеством Пруденция. Образцом для нее служат и христианские «Книги Сивилл», которым она отчасти подражает и в метрике, и в разработке отдельных тем. Кроме того, Евдокии присущ устойчивый интерес к разнообразной апокрифической литературе.

У Евдокии можно найти ряд дословных текстуальных совпадений с обеими поэмами Нонна. Кроме того, она, по-видимому, в меру своих возможностей пытается подражать нонновскому «маньеристическому изобилию» и его принципам пойкилии и антитипии. В то же время метрическая реформа Нонна остается ей чужда. Не исключено, что покровительство Евдокии способствовало популяризации сочинений Нонна, в частности, проникновению его поэзии в школы.

Поэзия Евдокии является сугубо книжной. Ранее исследователи отмечали в ней причудливое смешение эпических поэтизмов с вульгаризмами. Однако оказывается, что и вульгаризмы поэтессы в основном черпает не из разговорной речи, а старается заимствовать у поэтов-предшественников и, в крайнем случае, из прозаических сочинений — богословских, медицинских, астрологических и т.п. В целом круг чтения Евдокии, насколько его можно установить по пересечениям с другими авторами в поэме «О св. Киприане» вполне подтверждает сведения, донесенные византийскими хронистами, о круге интересов самой Евдокии и ее мужа-императора.

Степень авторского вклада Евдокии в усваиваемых ей произведениях остается дискуссионной, однако, на наш взгляд, есть основания предполагать, что она была гораздо значительнее, чем принято думать. Так, ее поэма «О св. Киприане» могла быть не близким поэтическим парафразом уже существующего

прозаического жития, но, напротив, исходным текстом для прозаического парафраза, — что возможно опять-таки в силу особого положения поэтессы как императрицы, покровительствовавшей образованию. Впрочем, без изучения всей рукописной традиции жития свв. Киприана и Иустины на разных языках, которое в наши задачи не входило, окончательные выводы сделать невозможно. В качестве основы для работы Евдокия могла взять 24-е слово Григория Богослова (или тот исходный вариант жития, который был ему известен) и дополнить его разнородными фрагментами других сочинений, переосмыслить географическое пространство, перенеся действие из Карфагена в Антиохию.

Из нескольких редакций Гомеровского центона с именем Евдокии связывается первая и наиболее пространный. О первом авторе центонов, епископе Патрикии, мы не знаем практически ничего, поскольку и приписываемое ему предисловие, скорее всего, является сочинением Евдокии. Можно предположить, что Евдокия значительно расширила первоначальное повествование, присоединив к нему ветхозаветную часть и усилив гомеровский колорит при помощи довольно крупных фрагментов гипотекста, состоящих из нескольких взятых подряд стихов. Принцип создания поэмы «О св. Киприане» и 1НС един: это расширение готового повествования за счет общеупотребительных приемов школьной риторики.

Риторические приемы, используемые Евдокией, отражены в позднеантичных учебниках, называемых *Progymnasmata*. В этом видятся общие черты всей ученой литературы ее времени, по преимуществу выращенной из школы. Эта литература имеет свои задачи и свои законы; ей нельзя навязывать по определению чуждых ей эстетических принципов. Ее характеризуют ориентация на книжность, переосмысление образов и открытие в словах новых смыслов, в целом — «игра с традицией»

В жанровом отношении сочинения Евдокии дают пример распространенного в ее эпоху «смещения жанров», в котором сочетается, с одной стороны, верность литературному канону, с другой — расширение границ дозволенного. Евдокия работала почти во всех жанрах, распространенных в ее эпоху. В таких жанрах, как стихотворное житие или центон в греческом мире,

несомненно, работала не она одна, тем не менее именно ее произведения сохранились, следовательно, они как-то выделялись на фоне прочих и чем-то привлекали к себе внимание.

Основные результаты диссертации были отражены в следующих публикациях:

Научные статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова:

1. Александрова Т.Л. Эпиграммы императрицы Евдокии в контексте ее первого паломничества в Иерусалим // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. 3:3/43 (2015). С. 9–31.

2. Александрова Т.Л. Феодосий II и Пульхерия в изображении Созомена (к проблеме датировки «Церковной истории») // Вестник древней истории 76/2. 2016. 371–387.

3. Александрова Т.Л. Императрица Евдокия и первая редакция Гомеровского центона (к вопросу об авторстве). Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. № 6 (15) — Arbor mundi, Вып. 22. М., 2016. С. 81–100.

4. Александрова Т.Л. Перенесение мощей первомученика Стефана в Константинополь и имперская пропаганда середины V в. // Научный диалог. 2016. № 10 (68). С. 83–94.

5. Александрова Т.Л. О времени и причинах удаления императрицы Евдокии во Святую Землю // Вестник древней истории. 2017 № 76/ 1. С. 106–125.

6. Александрова Т.Л. Судьба творческого наследия Кира из Панополя в свете его биографии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2017. Т. 16. № 1. С. 15–28.

7. Александрова Т.Л. Императрица Афинаида-Евдокия: путь к трону // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 1. С. 75–87.

8. Александрова Т.Л. Последние годы императрицы Евдокии в Палестине // Гуманитарный вектор. 2017. № 12/4. С. 55–64.

9. Александрова Т.Л. Императрица Евдокия — читательница Нонна Панополитанского? // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. № 3:55. 2018. С. 9–20.

10. Александрова Т.Л. К вопросу о влиянии поэтического стиля свт. Григория Богослова на поэтов V в. (Нонн, Евдокия) // Вестник Пермского университета. Т.10. Вып. 3. С. 5–12.

11. Александрова Т. Л. Жанровое своеобразие поэмы императрицы Евдокии «О св. Киприане» // Научный диалог. 2018. № 6. С. 58–68.

12. Александрова Т.Л. Поэзия императрицы Евдокии и «Книги Сивилл» // Филологические науки. Вопросы теории и практики». 2018. № 10 (88). Ч. 1. С. 13–16.

13. Александрова Т.Л. Приемы школьной риторики в поэме императрицы Евдокии «О св. Киприане» // Научный диалог. 2018. № 9. С. 146–155.

14. Александрова Т.Л. Апокрифические мотивы в поэзии императрицы Евдокии // Litera. 2018. № 3. С.143–153.

15. Александрова Т.Л. Женские образы в Гомеровском центоне // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4 (71). С. 191–197.

Научные статьи в журналах, входящих в перечень изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:

16. Александрова Т.Л. Стихотворное «Житие Киприана и Иустины» императрицы Евдокии как точка пересечения культурных традиций // Вопросы культурологии. № 5–6. 2015. С. 51–56.

17. Александрова Т.Л. Ева, Елена, Евдокия... Пульхерия? К вопросу интертекстуальных аллюзий в Гомеровском центоне // Культура и текст. 2018. №3 (34). С. 171–181.

18. Александрова Т.Л. Норма и отклонения от нормы в языке поэмы «О св. Киприане» императрицы Евдокии // Филология: научные исследования. 2018. № 2. С. 88–95.

19. Александрова Т.Л. Жанровое своеобразие гомеровского центона // Известия волгоградского государственного педагогического университета. Сер. "Филологические науки. 2018. № 9 (132). С. 193–197.

20. Александрова Т.Л. Гомеровские заимствования в поэме императрицы Евдокии «О св. Киприане» // Филология: научные исследования. 2018. № 3. С.169–175.

Монография:

21. Александрова Т.Л. Византийская императрица Афинаида-Евдокия: жизнь и творчество в контексте эпохи правления императора Феодосия II (401–450). — СПб.: Алетейя, 2018. — 416 с.

Иные публикации в журналах и сборниках, в материалах международных конференций — 14; общий объем 16, 75 л.

22. Гомеровский центон императрицы Евдокии. (ч. 1) / пер., прим. Т.Л. Александровой // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. 3: 50. 2017. С. 63–97.

23. Императрица Евдокия. Гомеровский центон (ч. 2) / пер., прим. Т.Л. Александровой // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. 3: 55. 2018. С. 89–126.

24. Геронтий. Житие прп. Мелании. Вступительная статья, перевод и комментарии Т.Л. Александровой // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. 3:3/43 (2015). С. 71–108.

25. Евдокия Августа. О св. Киприане / Вступ. ст. и пер. Т.Л. Александровой // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. 3:2/47. 2016. С.93–133.

26. Александрова Т.Л. Императрица Евдокия и почитание Богоматери в V в. по Р.Х. // Cursor mundi. Вып. 7. 2015. С. 88–95.

27. Александрова Т.Л. Дитя, вознесенное в воздух (к вопросу о существовании Аркадия II, сына Феодосия II и Евдокии / *Cursor mundi*. Человек Античности, Средневековья и Возрождения. Научный альманах, посвященный проблемам исторической антропологии. Вып. 8. Иваново, 2016. С. 74–75.
28. Александрова Т. Л. Способы визуализации демонических сил в поэме Евдокии «О св. Киприане» // IV Международная научная конференция «Демонология как семиотическая система». М. РГГУ 16–17 июня 2016 г. Тезисы докладов. М., 2016. С. 5–8.
29. Александрова Т. Л. Нетерпимость как атрибут святости в Восточной Римской империи первой половины V в. (правила и исключения) // Европа святых: социальные, политические и культурные аспекты святости в Средние века. СПб.: Алетейя, 2018. С. 260–272.
30. Александрова Т. Л. Персонификации пороков в поэме «О св. Киприане» императрицы Евдокии // Аллегория в истории зарубежной литературы: от поздней античности до романтизма. М.: Культурная революция, 2017. С. 42–60.
31. Александрова Т.Л. Гомеровские центоны и византийская гимнография // Христианская гимнография: история и современность. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 11–30.
32. Александрова Т.Л. Рецензия на книгу: Kaldellis A. *The Byzantine Republic. People and Power in New Rome*. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts and London, 2015 // Вестник ПСТГУ. 3: 50. 2017. С. 167–170.
33. Александрова Т.Л. Парадоксы Феодосия II. Рецензия на книгу.: *Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity*. Ed. C. Kelly. Cambridge, 2013. // Вестник ПСТГУ. 3:2/42. 2015. С. 135–138.
34. Александрова Т.Л. Об авторстве предисловий к Гомеровскому центону // Восточные чтения: религии, культуры, литературы. Материалы IV Международной научной конференции 17–18 ноября 2017 г. Москва. Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. М., 2017. С 11–17.

35. Александрова Т.Л. Тайноводственные смыслы в Гомеровском центоне 1–й редакции (1НС) // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. II. № 1. С. 71–90.